

19. Wright A. R. English Folklore, F.S.A. / A. R. Wright. – New York: Robert M. McBride & Company, 1930. – 128 p.
20. Wright Elizabeth Mary Rustic Speech and Folk-lore / Elizabeth Mary Wright. – London: Humphrey Milford Oxford University, 1913. - 342p.

УДК 81'23

О ПСИХИЧЕСКОЙ СУЩНОСТИ ЯЗЫКА И РЕЧИ

Ирина Румянцева
(Москва, Россия)

У статті розглянуто науково-історичні передумови розвитку психолінгвістики, а також розкрито психологічні підходи до мови й мовлення в мовознавстві XIX–XX ст.

Ключові слова: мова, мовлення, мовознавство, психолінгвістика, психологія.

В статье рассмотрены научно-исторические предпосылки развития психолінгвістики, а также раскрыты психологические подходы к языку и речи в языкознании XIX–XX ст.

Ключевые слова: язык, речь, языкознание, психолінгвістика, психологія.

Scientific-historical pre-conditions of the development of psycholinguistics are considered in the article, and also the psychological approaches to the language and speech in the linguistics of the XIX–XX-th centuries are exposed.

Key words: language, speech, linguistics, psycholinguistics, psychology.

Постановка проблеми и ее актуальность. Как бы ни пыталась психолінгвістика, особенно отечественная (понимающая себя в большей степени лингвистически, т.е. как “психо-”, но все же лингвистика), отречься от психологии как от своей прародительницы – стать абсолютно независимой, сделать это наделе крайне трудно, как в силу исторического развития, так и потому, что весь ее понятийный аппарат является по сути психологическим. Более того, даже сама “чистая”, т.е. традиционная, лингвистика как наука имеет глубокие психологические корни, ибо вплоть до 20-х годов XX века ученые признавали в языке и речи несомненное психическое начало и не отрывали эти явления от самого человека.

Изложение основного материала. Можно сказать, что появление психолінгвістики было предопределено задолго до ее рождения В. фон Гумбольдтом, В. Вундтом, Х. Штейнталем, А.А. Потебней, И.А. Бодуэном де Куртене, Ф.Ф. Фортунатовым, В.А. Богородицким, А.А. Шахматовым, А.М. Пешковским, Е.Д. Поливановым, Л.В. Щербой и другими выдающимися языковедами, которые объединяли лингвистику с психологией и даже прямо относили языкознание к области психологической науки.

“Язык, – писал В. фон Гумбольдт еще в 30-х годах XIX столетия, – представляет собой постоянно возобновляющуюся работу духа, направленную

на то, чтобы сделать артикулируемый звук пригодным для выражения мысли [1, с.69]”. Гумбольдт призывал исследовать “функционирование языка в его широчайшем объеме – не просто в его отношении к речи и к ее непосредственному продукту, набору лексических элементов, но и в его отношении к деятельности мышления и чувственного восприятия [7, с.75]”. Он говорил о необходимости изучения того, “как внутренняя сила действует на язык, а язык в свою очередь – на внутреннюю силу [7, с.74]”.

Много позже последователь В. фон Гумбольдта немецкий языковед Х. Штейнталь рассматривал язык как “предмет психологического наблюдения” и определял его как “выражение осознанных, внутренних психических и духовных движений, состояний и отношений посредством артикулированных звуков [1, с.83]”.

Во второй половине XIX в. немецкий философ, физиолог, психолог и языковед В. Вундт тоже направлял свое внимание на изучение психологической основы языковых явлений. Работая на исходе века над своим главным трудом “Психология народов”, он тщательно анализировал “психофизические условия образования слова”, а также подробно изучал “психологию словесных представлений [4, с.380]”. Именно В. Вундт выдвинул гипотезу о локализации в головном мозге человека центров речи. А в книге “Введение в психологию” Вундт высказывался о том, что “душевная жизнь находит себе, по большей части, адекватное выражение во внешних явлениях, которые отражают эту душевную жизнь прежде всего в явлениях речи, представляющей собою одновременно и средство выражения и орган мышления [3, с.99]”.

Примерно в это же время русский ученый Ф.Ф. Фортунатов, создавая свою “психологическую грамматику”, писал, что язык представляет собой “совокупность знаков главным образом ... для выражения мысли в речи, а кроме того в языке существуют также и знаки для выражения чувствований [1, с.442]”.

“Безусловную психичность (психологичность) человеческой речи [13, с.483]” на протяжении всей своей жизни утверждал И.А. Бодуэн де Куртене. Он призывал рассматривать “как реальную величину не язык, абстрагированный от людей, но человека как носителя языкового мышления [1, с.482]”.

Не будет преувеличением сказать, что XIX век полностью прошел “под знаком” психологизма в языкознании, и такое положение вещей сохранялось, как уже было отмечено, вплоть до 20-х гг. XX столетия.

В последовавший исторический период языкознание начало стремительно удаляться от психологии. Справедливости ради, надо сказать, что размежевание этих наук носило мировой характер, и во многом было связано с именем Ф. де Соссюра, считавшего, что “язык – не деятельность говорящего”, а лишь “готовый продукт, пассивно регистрируемый говорящим [1, с.134]”.

В нашей стране подобное состояние дел усугублялось тем, что психология как наука “о душе человека”, далекая от материализма, на долгие годы была практически предана забвению. По словам А.В. Петровского, “ученые шаг за шагом уходили от исследования глубин психики человека [10, с.30]”, поскольку знание и понимание “внутреннего мира человека во всей его сложности и неоднозначности не могло отвечать интересам деспотического режима [10, с.30]”. Как в психологии, так и в языкознании наступила эра марксизма. Собственно психологические исследования пытались заменить материалистической физиологией мозга (физиологией высшей нервной

деятельности), а в языкознании предпочтение стало отдаваться “чистой” лингвистике.

В оппозицию марксизму в языкознании вскоре стал структурализм. Несмотря на то, что структурализм считался даже диссидентским течением, он, приближая языкознание к математике и ставя своей целью создание “алгебры” языка, т.е. придание языкознанию совершенно абстрактного, формального характера, так же, как и марксизм, безмерно отдалял лингвистику от психологии.

Тем не менее, и в те времена были ученые, бережно хранившие традицию “человеческого” подхода к языку. Так, никогда не отрекался от своей “психологической концепции языка” В.А. Богородицкий, а ученик И.А. Бодуэна де Куртене Е.Д. Поливанов продолжал широко использовать в своих работах термин “психофонетика”, хорошо известен его труд “Психофонетические наблюдения над японскими диалектами”. “Отрыв лингвистики от говорящего человека, свойственный большинству структуралистов, – пишет В.М. Алпатов, – был неприемлем для Е.Д. Поливанова, он никогда не ограничивался изучением языка “в самом себе и для себя [1, с.246]”.

После достаточно продолжительного времени забвения, к середине 50-х годов XX века, психологическое направление в языкознании продолжило свое развитие. В нашей стране в русле этого направления работали в то время Н.И. Жинкин и В.А. Артемов, чьи лингвистические идеи впитали в себя психофизиологические основы учений И.М. Сеченова, В.М. Бехтерева, И.П. Павлова, А.А. Ухтомского.

“Человеческий язык, – писал Н.И. Жинкин, – обладает той замечательной особенностью, что из ограниченного числа речевых звуков (фонем ...) образует громадное число слов, из слов может быть составлено бесконечное число предложений, из предложений могут быть сформированы тексты (речь) также в бесконечном разнообразии. Любая новая ситуация может быть отражена в речевом высказывании. Вот почему следует считать, что речь это творческая функция человеческой психики. Но такая функция может быть развита только на определенной анатомо-физиологической основе [8, с.321]”.

В.А. Артемов неизменно подчеркивал необходимость психологического подхода к лингвистическим, в частности экспериментально-фонетическим, исследованиям. Недаром лаборатория 1-го МГГТИИЯ (ныне Московского государственного лингвистического университета – МГЛУ), которой долгие годы руководил В.А. Артемов и в которой работал Н.И. Жинкин, носила название “Лаборатории экспериментальной фонетики и психологии речи”. В.А. Артемов говорил о важности учета психологического фактора в изучении звуковых и просодических особенностей речи: в “исследовании процессов ощущения отдельных свойств звуков речи, восприятия звуков, звукосочетаний и интонации, понимания слов, словосочетаний, фраз и текстов, а также процессов образования представлений и понятий о звуковых и артикуляторных особенностях речи [2, с.50]”.

Новый виток сближения языкознания с психологией отмечался в те годы и в других странах. Так, французский лингвист Э. Бенвенист утверждал, что “...нельзя ограничивать всю лингвистику описанием языковых форм”, ибо “...при подобном подходе за бортом оказывается сам человек, личность, порождающая и воспринимающая речь [6, с.6]”. В свою очередь, американский исследователь,

основатель генеративной лингвистики, Н. Хомский недвусмысленно рассматривал лингвистику как “отрасль психологии мышления”, и термины его “порождающей” теории, в частности – “лингвистическая компетенция”, являлись сугобо психологическими.

Однако официальное объединение лингвистики и психологии в особую междисциплинарную отрасль науки, получившую название “психолингвистика”, произошло лишь на рубеже 50-60-х гг. прошлого столетия.

Признавая приоритет психологической науки как базисной для речевых исследований с точки зрения подхода к человеку и обучения его иноязычной речи, обратимся к некоторым историческим фактам. Развивая мысль известных психологов А.В. и В.А. Петровских [11, с.123–124], заметим, что историю любой науки можно разделить на конкретные периоды ее становления. Каждому такому периоду, как правило, соответствуют понятия, которые являются определяющими для данного этапа развития этой науки. Вокруг этих понятий и концентрируются научные концепции, истолкования и описания того или иного явления.

Так, в психологии с конца XIX века и до исхода 20-х годов века XX-годом инировало понятие “поведение животных и человека”. В нашей стране этот период был ознаменован блестящими исследованиями в указанной области И.М. Сеченова, И.П. Павлова, В.М. Бехтерева. В американской психологии данное направление вылилось в те годы в механистический бихевиоризм, который все психические явления сводил к реакциям организма, в основном двигательным. Так, речь и мышление отождествлялись исключительно с речедвигательными актами. “Речь – это действие, т.е. поведение,... при закрытых губах – думание [14, с.77]”. Такими же механистическими были и программы обучения тех лет, суть которых выражалась в формуле: “стимул – реакция”. В то же самое время в России талантливый психолог Л.С. Выготский, который еще в 1926 году рассматривал “мышление как особо сложную форму поведения [5, с.150]”, чуть позже разработал учение о развитии высших психических функций человека, в том числе речи, в процессе общения и освоения им культурных ценностей. Это учение заложило основу создания нового направления в детской психологии, в которое включалась идея о “зоне ближайшего развития”, т.е. соотношении уровня умственного развития и обучения, которое всегда должно “забегать вперед” развития. Данная идея оказала огромное влияние на отечественные и зарубежные исследования развития ребенка, в том числе речевого. (Надо сказать, что бихевиористское направление, сильно и плодотворно теперь изменившееся, до сих пор является доминирующим в американской науке).

В дальнейшем, в 30 – 40-е годы, внимание исследователей сосредоточилось на понятии “сознание”, и речь как психологический феномен рассматривалась под этим углом зрения. Широко известны работы С.Л. Рубинштейна, в которых он постулирует “единство речи или языка и сознания [12, с.381]”. В эти же годы складывается система взглядов А.Р. Лурии, основателя нейропсихологии и нейролингвистики. Так же, как и Л.С. Выготский, А.Р. Лурия начинал с изучения проблем поведения – этими учеными, в частности, была написана совместная книга “Этюды по истории поведения”, опубликованная в 1930 г. Несколькими позже интересы А.Р. Лурии переместились в область исследования высших корковых функций головного мозга человека, в первую очередь – сознания в связи с языком и речью. Эти интересы всегда оставались

приоритетными для А.Р. Лурии, и в конце его жизни вышел в свет известный труд “Язык и сознание” (1979).

В 50 – 60-е годы (время признания психолингвистики как науки) ключевым понятием отечественной психологии становится “деятельность”, детально разработанное А.Н. Леонтьевым. Именно в эти годы устанавливается советская психологическая платформа под названием “теория деятельности”. Эта психологическая теория, основой которой являлось сознательное действие, вызванное мотивом, направленное на цель и подверженное планированию и контролю, была с успехом признана официальной идеологией нашей страны и транспонирована А.А. Леонтьевым на область языкознания. Так появилась “теория речевой деятельности”, которая фактически превратилась в синоним термина “психолингвистика” и на долгие годы стала олицетворять собой отечественный вариант этой науки. (В западной психологии понятие деятельности всегда отождествлялось с понятием активности и не выделялось в отдельное научное направление).

70–80-е годы охарактеризовались повышенным интересом к понятию “личность”. “Примечательно, что до второй половины 30-х годов предметные указатели к книгам по психологии, как правило, вообще не содержали термина “личность” [11, с.124]”. Одной из ведущих стала пришедшая с Запада концепция самосовершенствования, личностного роста и развития индивидуума. В этой связи, и сама речь, и ее прикладные аспекты стали рассматриваться через призму человеческой личности. В нашей стране появились личностно-деятельностные (А.А. Леонтьев, И.А. Зимняя) подходы к обучению и “личностно-центрированные” методики преподавания иностранных языков, например “Метод активизации возможностей личности и коллектива” Г.А. Китайгородской и некоторые другие.

90-е годы XX века и начало века нынешнего ознаменовались мощным развитием технологий воздействия на личность: всевозможных методов активного обучения, включая суггестопедические (где основной акцент делается на внушение), психотерапевтических и психокоррекционных техник, нейролингвистического программирования и т.п.

Выводы. Все эти исторические этапы развития психологии как науки оказали свое, достаточно сильное влияние на формирование различных подходов и концепций описания речи (речь – поведение, речь – сознание, речь – деятельность). Эти подходы и концепции объясняются несомненной сложностью анализируемого феномена, а также самой природой его теоретического познания исследователями различных школ и научных направлений. Ни одну концепцию нельзя, видимо, рассматривать как непререкаемо и единственно правильную или в чем-то неверную. Все они имеют свои резоны и по-своему интерпретируют какие-то стороны, связи и основания описываемого явления. Эти стороны, связи и основания определены как временем разработок и уровнем развития науки на тот момент, так и разными исходными точками зрения исследователей, их пониманием психологической и психолингвистической природы явления, часто абсолютизируемой (например, “речь – это действие, т.е. поведение”, “речь коррелирует с сознанием”, “речь тождественна речевой деятельности”).

Важно отметить, что в разные периоды становления науки, несмотря на доминирование определенных понятий, существовали исследования и теории, намного опережающие свое время. К таким выдающимся трудам, безусловно,

относятся работы И.М. Сеченова и И.П. Павлова по психофизиологии; Л.С. Выготского и А.Р. Лурии о высших психических функциях; Л.М. Векера о единой теории психических процессов; Л.С. Выготского и С.Л. Рубинштейна о связи формирования речи с развитием познавательных процессов в контексте общения; концепция интегративного подхода к “человекознанию” Б.Г. Ананьева; суггестологическая теория Г. Лозанова о внутренних резервах личности, скрытых в неосознаваемой психической активности, и построенный на ней метод обучения иностранным языкам, и целый ряд других.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алпатов В.М. История лингвистических учений. – М., 2001.
2. Артемов В.А. Экспериментальная фонетика. – М., 1956.
3. Вундт В. Введение в психологию. – СПб., 2002.
4. Вундт В. Проблемы психологии народов. – СПб., 2001.
5. Выготский Л.С. Педагогическая психология. – М., 1999.
6. Горелов И.Н., Седов К.Ф. Основы психолингвистики. – М., 1997.
7. Гумбольдт Вильгельм фон. Избранные труды по языкознанию. – М., 1984.
8. Жинкин Н.И. Язык – Речь – Творчество: Избр. тр. / Сост., прим. С.И. Гиндина. – М., 1998.
9. Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. – М., 1972.
10. Петровский А.В. Психология в России. XX век. – М., 2000.
11. Петровский А., Петровский В. “Я” в “других” и “другие” во “мне” // Популярная психология: Хрестоматия / Сост. В.В. Мироненко. – М., 1990.
12. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. – СПб., 1999.
13. Хрестоматия по истории русского языкознания / Под ред. Ф.П. Филина. – М., 1973.
14. Watson J. Behaviorism. – Chicago, 1930.

УДК 81.411.2

РЕЧЕВАЯ СПОСОБНОСТЬ КАК БАЗА ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИЛИНГВИЗМА

Татьяна Тамерьян
(Владикавказ, Россия)

У статті розглядається мовленнєва здібність, що є багатокомпонентною ієрархічно організованою функціональною системою, процес розвитку якої здійснюється шляхом надбудови нових когнітивних структур.

Ключові слова: мовленнєва здібність, полілінгвізм, мовленнєва компетенція, комунікативна компетентність, когнітивна структура.

В статье рассматривается языковая способность, представляющая собой многокомпонентную иерархически организованную функциональную систему, процесс развития которой протекает путем надстройки новых когнитивных структур.

Ключевые слова: речевая способность, полилингвизм, языковая компетенция, коммуникативная компетентность, когнитивная структура.